

Глава VIII

ВОССОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

В конце 1470 или в начале 1471 г. новгородская правящая боярская партия, во главе которой находилась вдова новгородского посадника Марфа Борецкая с сыновьями, вступает в союзные отношения с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV. Вскоре в Новгород прибыл литовский князь Михаил Олелькович. Иван III, справедливо усмотрев в этих сношениях новгородских бояр с Литвой и Польшей измену русской земле, начал готовиться к походу. В 1471 г. Иван III собрал широкое совещание, на котором присутствовали представители самых разнообразных слоев населения: духовенство, братья великого князя, князья, бояре, воеводы, воины. На этом совещании был решен вопрос о походе на Новгород. Таким образом, своему походу на Новгород Иван III придал характер общерусского предприятия, поднятого всеми русскими людьми на «изменных» новгородских бояр.

Сражение 14 июля 1471 г. на реке Шелони привело к полному разгрому огромного новгородского войска, в большинстве своем крайне неохотно сражавшегося против войск, собранных Иваном III со всех концов русской земли.

Новгород признал себя «отчиною великого князя Московского», обязался уплатить огромную контрибуцию и отказался от самостоятельной внешней политики.

Но в сентябре 1477 г. потребовались вновь решительные меры против новгородских бояр. Иван III выступил в поход и подступил к самому Новгороду, заняв его окрестности.

Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не сопровождался такой усиленной пропагандой, таким обилием посланий, как новгородские походы Ивана III.

Поход 1477 г. был обставлен с чрезвычайной пышностью. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой «боговенчанного монарха всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжидая,

чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у Ивана III были веские основания: боярская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые переставали действовать при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебегало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю.

После этого второго похода Ивана III новгородская независимость была окончательно уничтожена, в Новгороде введены московские порядки, а вечевой колокол снят и увезен в Москву, где его повесили на колокольню «с прочими колоколами звонить».

* * *

С приближением неизбежной развязки — уничтожения новгородской независимости — в Новгороде все усиливаются мистические настроения, все усложняется и делается более жестокой борьба общественных группировок, все растеряннее и тревожнее становятся записи летописцев.

Накануне походов Ивана III новгородское летописание утрачивает свою организованность и систематичность. Летопись ведется лишь по инициативе частных лиц, дополняющих и расширяющих списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничиваются одними лишь новгородскими событиями, то вводят сведения общерусского значения; иногда они лапидарны, иногда же многоречивы и витиеваты. Те части новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII вв. Летописец теряет обычную беспристрастность, как только подходит к предметам, близко касающимся его политических убеждений, и разражается болтливыми тирадами против своих политических врагов. Летописец, дополнивший один из списков новгородской IV летописи (Строевского), так отчитывает новгородца — сторонника московского великого князя, забившего железом пять новгородских пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород не сытый лукавъства? не мъзи ли (не ради ли мъзы) предаеши врагом Новъгород, о Упадыщче?..»

Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнъ стяг» (полк архиепископа новгородского), который не хотел ударить на московскую княжью рать в битве на Шелони. Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей» и не хотели сражаться.

Утомленные постоянными распрями бояр и шаткостью новгородской политики, многие новгородцы с надеждою смотрели на Москву и грядущее лишение Новгорода его исконной свободы воспринимали как неизбежное следствие изменнической политики новгородского боярства.

В житии архиепископа Ионы сохранился рассказ о том, как Иона в присутствии митрополита мужественно заступался за новгородцев перед великим князем Василием Васильевичем. После упорных и энергичных молений Ионы великий князь понемногу смягчился и отложил гнев на Новгород. Когда все умолкли, Иона заплакал. Спрошенный о причине скорби, Иона ответил: «Кто обидит людей моих толикое множество, и кто смирит таковое величество града моего (то есть Новгорода), если (если только) усобицы не смятут их и раздоры не низложат их и лукавство зависти не развеет их?»

Таким образом, неустройства новгородской жизни были ясны не только врагам Новгорода, но и защитникам его самостоятельности. В этой атмосфере ожидания близящегося конца новгородской независимости, усугублявшегося еще ожиданием конца мира в 7000 (1492) г., множились грозные знамения, росли мистические настроения в антимосковски настроенной боярской среде и зарождались новые ереси.

В 1470 г., накануне похода Ивана Васильевича III, «текли слезы» у иконы Богородицы в церкви Евфимия, «текли слезы» у Николы в церкви на Микитиной улице, «выступала кровь» на гробах новгородских архиепископов. «Того же лета на Федорове улице с тополя вода капало много от верха и с сучья». «Недобрые знамения» не прекращались и после поражения новгородцев. В 1471 г. была «гибель луне: полуночи не ясне быв, и аки кровь в луне, и тма бысть не мало время... Той же зимы видела мнози два месяца на небе. Той же зимы явися на небеси звезда хвостата...» и т. д. Появились смуты и ереси: какие-то «философы» в 1476 г. начали по церквам петь «Осподи, помилуй», а другие «О, Господи, помилуй». С падением независимости Новгорода многие из таких «знамений» задним числом истолковываются как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Постепенно эти мелкие знамения превращаются в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли.

«В нашей истории, — говорит В. Ключевский, — немного эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова Двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины».

Легенды о конце новгородской независимости отразились в житиях новгородских святых. Житие соловецкого святого Зосимы, составленное Досифеем в начале XVI в., рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр и все милостиво приняли его, кроме одной Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позывав», пророчески сказал своим ученикам: «предут, дети, дни, когда затворятся двери дома

сего, и никто из жителей не ступит на него». Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставил все же Марфу пригласить Зосиму к себе. На пиру, сидя на почетном месте (в лицевом, т. е. иллюстрированном, списке жития Зосимы и Савватия Зосима сидит за особым изящным столиком), Зосима, по обычаю своему, мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе шестерых новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув еще и еще раз и убедившись, что видение не проходит, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. На пиру Марфа испросила у Зосимы прощение и дала монастырю грамоту на владение островом и Сумским погостом.

После обеда ученик Зосимы Даниил спросил его о причине слез. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут со временем обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Помимо основного значения легенды — задним числом прославить святого чудом пророчества, — в ней есть и «боковой» смысл, чисто местного характера: после уничтожения новгородской независимости надо было как-то оправдать то, что Соловецкий остров был подарен монастырю «еретикою» Марфой Борецкой. Грамота Марфы (эта грамота сохранилась и сейчас) была основным документом на земельные владения монастыря. Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 г. легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, построив церковь, приступили к росписям, и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» образ вседержителя с благословляющею рукой. Наутро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан не с благословляющей рукой. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука наутро оказывалась сжатою. На четвертое утро услышали иконописцы голос, исходивший от написанного ими изображения: «писари, писари, о писари! не пишите мя благословящею рукой, напишите мя сжатою рукой. Аз об в сей руце моей сей Великий Новград держу, а когда сия рука моя распространится (раскроется), тогда будет граду сему скончание».

Действительное объяснение происхождения легенды заключается в том, что греческие иконописцы, расписывавшие Софию, написали вседержителя с рукою, благословляющей троеперстием, вместо привычного новгородцам двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою», как указывалось в летописи. Это расхождение между летописью и изображением чрезвычайно существенно: оно-то именно и раскрывает конечный смысл легенды: рука на изображении уже полуоткрыта, а не сжата, как раньше, при написании образа, как о том свидетельствует летопись: следовательно, «скончание» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 г., летописец хотел придать ему характер документальности, поразить воображение читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением.

Под тем же 1045 г. и, очевидно, тем же лицом в летописи оказалась записанной и другая легенда о происхождении в Софии иконы Спаса, принадлежавшей некогда греческому императору Мануилу. Царь Мануил сам писал эту икону. Однажды Мануил велел наказать какого-то священника («возложити раны нещадно»). В ту же ночь Мануил явился во сне Спас тем самым образом, каким он его изобразил на иконе, и укорил царя за то, что он взял на себя право судить клириков (функция, не принадлежавшая в Византии светской власти). Затем Спас указал ангелам перстом на императора Мануила и велел его высечь («возложити раны»). Проснувшись от боли, высеченный Мануил увидел, что Спас на его иконе указывает перстом вниз, как он указывал ангелам в ночном видении. «И восплакался» царь и перестал судить священников. Легенда эта явно имеет в виду «узурпацию» в Новгороде Иваном III судебных прав архиепископа. По смыслу легенды, Иван III был достоин такой же порки, как и император Мануил.

Обе приведенные легенды — об изображении вседержителя в куполе Софии и об иконе Спаса в Софии же «противо места владычия» — принадлежат к типу распространенных в средневековой литературе легенд об оживающих изображениях.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость, имелись легенды, в которых «власть новгородских посадник и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с иных — демократических позиций. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над политическими правами Новгорода и его усobiцами на Волховском мосту. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей и также относящаяся ко второй половине XV в., рассказывает, как первый новгородский епископ Иоаким сверг кумир Перуна, стоявший недалеко от Новгорода в местечке Перынь, и велел бросить его в Волхов. Плыя под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошел бес, бросил палицу свою на мост, «ею же безумнии убивающиеся, утеху творят бесом».

К числу легенд, несочувственно относящихся к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. Легенда эта составилась, как можно думать по некоторым признакам, вскоре же после падения новгородской независимости. В ней рассказывалось о том, как немцы дали «посул (взятку) велик» посаднику Добрыне и построили с его помощью божницу на месте, где стояла раньше православная церковь Иоанна Предтечи. Бог и Иоанн Предтеча покарали за это посадника: вихрь поднял его над Волховом и ударил им о воду. Добрыня утонул, и тело его, выловленное из реки сетями, оставили непогребенным.

В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далеким прошлым, когда Новгород признавал власть «великих князей наших русских». Но уже и тогда, как видно из легенды, посадники злоупотребляли своею властью и за посул готовы были изменить и предать Новгород немцам.

Итак, рассматривая легенды о конце Новгорода, нельзя не заметить, что некоторые из них сочувственно, а другие несочувственно изображали это со-

бытие. Факт этого разделения тенденций новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской. Борьба эта принимает особенно ожесточенные формы при архиепископе Сергии и усложняется непосредственным участием в ней приезжих москвичей.

Первым выступлением на новгородской почве природных москвичей (из переселенных или переведенных в Новгород служилых) было пространное произведение, включенное затем в состав новгородской летописи: «Словеса избранна от святых писаний». «Словеса» эти были специально подобраны автором-москвичом против новгородцев. «Словеса» составлены в резко антиновгородском тоне: «мужие новгородци» сравниваются в них со всеми злодеями Ветхого и Нового завета. С озлоблением осуждается в «Словесах» «неукротимая мудрость» новгородцев, которые «лукавством мысли возгордевшеся». Марфа Борецкая характеризуется в «Словесах» как «окоянная злая аспида, ни бога боится, ни человек срамляется». В «Словесах» проводится мысль о божественном характере княжеской власти. «Словеса» несут на себе внятные отголоски современности и принадлежат, очевидно, какому-нибудь из сопровождавших Сергия велиокняжеских чиновников.

Крутая политика Сергия вызвала в Новгороде не менее ожесточенного сопротивления. Летописи с сепаратистской окраской включили в свой состав легенду о посрамлении Сергия новгородским святым Моисеем. Легенда рассказывает, как Сергию, проезжавшему мимо монастыря Михаила на Сковородке, один из священников указал на «гроб строителя монастыря того архиепископа Мосея». «Он же (Сергий), взрвя на священника», велел ему открыть гроб. Священник возразил, но Сергий с гордостью ответил: «кого сего смердовича и смотрити?» и за это был наказан: он впал в «изумление», то есть сошел с ума. Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряски» на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце Грановитой палаты, где собирался Совет господ и совершился владычный суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь.

Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом же событии, не преминул взвести напраслину на новгородцев, обвинив их в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включенной в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему моги Варлаама, но исходший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которую он пытался помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV в. Король Магнус, неудачливый инициатор крестового похода на Нов-

город, оставил, по легенде, «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь.

Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, начиная с Биргера, воевавшего против Александра Невского, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении» прикован на цепи и заделан в палате. Последнее поражение Магнуса и гибель его флота от бури были особенно жестоки. Магнус едва спасся, три дня и три ночи проплыв на доске. Ветром внесло его в реку и прибило к берегу у монастыря Спаса, где монахи постригли его в схиму. «А все то меня бог казнил за мое высокоумие, что есмь наступил на Русь за крестным целованием (т. е. нарушив крестное целование). А ныне приказываю своим детем и своей братии: не наступайте на Русь на крестном целовании; а кто наступит, на того бог, и огонь и вода, им же мене казнил; а все то бог сотворил ко спасению моему».

В легенде о Магнусе и в легенде о Сергии есть общая деталь, сближающая их между собою; и того и другого бог наказывает за покушение на новгородскую старину, отнимая разум.

Так идея защиты новгородской независимости и величия его прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменяется идеей божественной непрочастности его святынь. Новгородские сепаратистские настроения все более и более принимают церковную окраску.
